

БЕЛАЯ КНИГА

ХАН ГАН

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК821.531-31
ББК 84(5Кор)-44
Г19

희랍어 시간

Серия «Другие голоса»

Печатается с разрешения автора
и литературного агентства Rogers, Coleridge and White Ltd.

Перевод с корейского *Джаудата Фаттахова*

Оформление обложки *Екатерины Климовой*

Хан, Ган.
Г19 Белая книга : [роман] / Хан Ган ; [пер. с кор.
Джаудата Фаттахова]. — Москва: Издательство
АСТ, 2026. — 128 с. — (Другие голоса).
ISBN 978-5-17-178120-0

Безымянная рассказчица — единственный персонаж «Белой книги», сосредотачивается на белом цвете, чтобы выразить свою внутреннюю боль.

Используя белый цвет, она пытается справиться с трагедией, осмыслить смерть старшей сестры в лирических взаимосвязанных зарисовках. От попыток представить себе первый опыт грудного вскармливания матерью малышки до наблюдения за падающим снегом и размышлений о бренности жизни, она создает по кусочкам пронзительную историю о горе и о нашем восприятии мира.

УДК 821.531-31
ББК 84(5Кор)-44

ISBN 978-5-17-178120-0

© 한강, Han Kang, 2023
© Джаудат Фаттахов, перевод, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

1
Я

Решение написать эту книгу пришло ко мне весной. Для начала я составила список всего белого:

Пеленка новорожденного

Распашонка

Соль

Снег

Лед

Луна

Рис

Морская пена

Цветок магнолии

Белая птица

Белая улыбка

Лист бумаги

Хан Ган

Белый пес

Седина

Погребальный саван

Каждое новое слово в списке вызывало трепет в моей душе. Я чувствовала, что должна непременно закончить эту книгу, что ее создание изменит мой мир. Рану нужно обработать белой мазью и забинтовать.

Но через несколько дней, перечитав список, я задумалась: какой в этом смысл, зачем копаться в этих словах?

Как отпущенная тетива создает пронзительно печальный звенящий звук, так и эти слова, царапнув мою душу, рожают новый текст. Смогу ли я спрятаться за ними, прикрывшись белой марлей?

Я никак не могла начать писать, потому что не знала, как ответить на эти вопросы. В августе я переехала в столицу незнакомой мне прежде страны, сняла жилье. Прошло еще пару месяцев, ночи стали холоднее, и как-то, запив стаканом теплой воды таблетку от мигрени — моего мучительного неотвязного спутника, я вдруг кое-что поняла (довольно спокойно). Мне не спрятаться.

Белая книга

Иногда я особенно остро ощущаю время. Сильнее всего — когда болею. Я страдаю мигренью с тринадцати лет, она всегда приходит неожиданно и сопровождается спазмами желудка. В такие моменты жизнь останавливается, и, испытывая нестерпимую боль, я чувствую, как время стекает каплями-бусинами под надрезом от наточенных лезвий. Проведешь кончиком пальца, и тут же брызнет кровь. Делаю вдох — и понимаю, что еще один момент жизни пройден. Даже после того как мигрень отступает, это чувство остается, затаившись в ожидании новой встречи.

Стоя на крутом обрыве времени — зыбком утесе, — мы продолжаем движение вперед. Отчаянно занося ногу над пропастью, мы оставляем позади себя уверенность прожитой жизни и без оглядки шагаем в пропасть. Не потому, что смелые, а потому что другого пути нет. Даже сейчас я ощущаю этот риск. Мы безрассудно идем в то время, когда еще не жили, в книгу, которая еще не была написана.

Дверь

Давно это было.

Перед заключением договора я заехала посмотреть квартиру.

Входная железная дверь, которая когда-то была белой, выцвела. Она была грязная, краска местами облупилась, и на этих участках образовалась ржавчина. Я могла бы запомнить ее как просто очень старую и грязную дверь, но не это главное. Дело было в том, как был написан номер квартиры — «301».

Кто-то — видимо, из прежних жильцов — нацарапал эти цифры прямо на двери острым предметом, вроде шила. Я внимательно изучила эти царапины. Огромная угловатая тройка в три пяди величиной. Потом поменьше, но несколько раз обведенный и перекрывающий тройку круглый ноль — он бросается в глаза первым. И наконец, единица — самая длинная и глубокая, выцарапанная с особым остервенением. По ранам этих прямых и изогнутых линий растеклась застывшая коричнево-красная ржавчина, как запекшаяся кровь. «Мне ничего не жаль. Ни места, где я живу, ни двери, сквозь которую я прохожу каждый день, даже своей чертовой жизни». Оскалив зубы, цифры смотрели на меня в упор.

Это была дверь квартиры, которую я собиралась снять, в которую я должна была въехать той зимой.

На следующий день после переезда, распаковав вещи, я купила банку белой краски и большую кисть. Стены кухни и комнаты, не заклеенные обоями, были испещрены большими и маленькими пятнами. Особенно грязно было вокруг выключателей. Я надела светло-серые треники и старый белый свитер, чтобы брызги

Хан Ган

от краски были незаметными. У меня не было цели сделать все идеально. «Если уж оставлять пятна, то лучше белые, чем грязные», — с этой мыслью я замазывала самые замызганные участки. Я даже закрасила большой потек на потолке — должно быть, результат дождевых протечек. Внутреннюю часть светло-коричневой раковины я протерла влажной тряпкой и тоже сделала белой — побелила.

Наконец, очередь дошла до входной двери. Каждое касание кисти делало измученную дверь чище. Выцарапанные шилом цифры исчезали. Пропала и похожая на запекшуюся кровь ржавчина. Устав, я зашла в квартиру погреться, а когда вернулась через час, обнаружила на двери разводы. Я использовала кисть, а не валик, поэтому на поверхности остались следы ворсинок. Тогда я нанесла еще один слой, потолще, и снова отправилась греться. Через час, обувшись, я вернулась проверить результат и увидела, что пошел легкий снег. На улице совсем стемнело, фонари еще не зажглись. Я так и осталась стоять там, машинально сжимая банку с краской и кисть в руках и отрешенно наблюдая за движением снежинок, которые медленно опускались на землю, как сотни перышек.

Пеленка

Новорожденный плотно запеленат в белоснежную простынку. Медсестра в роддоме потуже затянула ткань, чтобы малыш, привыкший к теплой материнской утробе, не испугался внезапного безграничного пространства. Человек, который только что научился дышать легкими. Человек, который не понимает, кто он, где он и что только что началось. Беспомощное создание, гораздо слабее птенца или щенка, самый младший из всех зверей.

Хан Ган

Бледная от большой кровопотери женщина смотрит на плачущего ребенка. Она неловко принимает запеленатый кулек. Человек, который пока не понимает, как остановить этот плач. Человек, только что испытывший невероятную боль.

Вдруг младенец перестает плакать. Вероятно, он почувствовал родной запах. А может, потому что эти двое все еще связаны. Черные глаза ребенка, которые пока не различают предметов, обращены к лицу женщины — откуда слышится голос. Эти двое еще не поняли, что только что началось, но между ними существует крепкая связь. В тишине, где пахнет кровью. Между их телами — лишь белая пеленка.

Распашонка

Мне рассказывали, что мамин первый ребенок умер спустя два часа после рождения.

Это была девочка с белым, как лунный рисовый пирожок, лицом. Она родилась недоношенной, всего семи месяцев, и была очень маленькой, но у нее были ясные глазки, тоненький носик и ротик — чудесная девочка. Мама говорила, что никогда не забудет, как дочка смотрела на нее своими черными глазками.

Родители тогда жили в доме на отшибе в деревне, куда папу распределили учителем в начальную школу. До родов было еще далеко, поэ-